

разработки и реализации специальных мер по кадровому, научному и информационному обеспечению государственной гендерной политики, совершенствованию гендерной статистики, характеризующей положение полов. (Представляется, что федеральный закон «Об основах гендерной политики» в основном должен носить рамочный характер. И на его базе должны разрабатываться соответствующие законы субъектов Российской Федерации);

8. Средства массовой информации, включая кинематограф, радио, телевидение и Интернет, должны способствовать формированию позитивных представлений о роли мужчин и женщин; (конкретный шаг: внесение требований об исправлениях в компьютерном правописании, которое термин «гендер» заменяет как ошибочный на «тендер». Придать этой акции широкую огласку);

9. Улучшение доступа к новым информационным технологиям позволяет наладить открытый обмен информацией об оптимальной практике и различных подходах в сфере гендерного равноправия;

10. Необходима стратегия по пропаганде прав женщин; (просветительские телевизионные программы, поддержка национальной сети журналистов, изучающих вопросы, связанные с обеспечением равенства женщин и мужчин и расширением прав возможностей женщин).

В краткосрочной перспективе целесообразно:

1. Создание Государственного комитета (министерства) по равным правам и равным возможностям мужчин и женщин, наделенного обязательной функцией гендерного анализа любого народно-хозяйственного проекта или мероприятия правительства.

2. В федеральных ведомствах и учреждениях должны быть учреждены специальные подразделения по проведению оценки воздействий на женское население осуществляемой деятельности по соответствующим направлениям с начального и до последнего ее этапа.

3. Учреждение Государственного Совета по гендерной политике, главная цель которого в активном сотрудничестве с НПО инициировать изменения в законодательстве и т. д. (необходимо четкое определение его функций и отношений с другими государственными органами РФ, включая Комиссию по вопросам положения женщин).

Отказавшись от цели достижения равенства полов, общество неизбежно, при оптимистическом варианте, столкнется с опасностью неэффективного, неравномерного развития и острого социального неравенства, при пессимистическом, — такое общество обречено на сегрегацию на рынке труда и в общественно-политической жизни, на углубление и расширение масштабов социальных недугов в стране — от кризиса демографического — до духовного.

Т. Б. Рябова

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС КАК ОРУЖИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ¹

¹ Работа над статьей осуществлялась при поддержке программы JFDP при Американском Совете по международному образованию (ACTR/ACCELS).

«Для женщины важно, чтобы рядом был надежный, уверенный в себе мужчина, на которого в трудную минуту можно было бы опереться. Пусть камни падают с неба — не страшно. К сожалению, такие в наше время встречаются все реже и реже. Мне кажется, что Путин из их числа — внешне неброских, но сильных духом» (АиФ. 1999. № 11. Нижегородское приложение). В словах избирательницы в поддержку В. Путина сквозит убеждение в том, что правитель страны должен быть не просто профессионалом — он должен быть «настоящим мужчиной». Эти фразы, как и многие аналогичные другие, могут служить иллюстрацией взаимовлияния гендерного и политического дискурсов, примером того, как гендерный дискурс участвует в политической борьбе и как политический дискурс определяет содержание гендерных концептов, в частности, устанавливает критерии маскулинности.

Мы видим три аспекта взаимовлияния гендерного и политического дискурсов. Во-первых, гендерный дискурс может выступать оружием политической борьбы, во-вторых, средством политической мобилизации путем воздействия на гендерную идентичность избирателя, в-третьих, политический дискурс может быть ресурсом «создания гендера», ресурсом создания новых гендерных моделей и корректирования старых гендерных моделей.

Цель данной статьи — показать механизмы использования гендерных образов, символов, метафор как оружия политической борьбы, функции маскулинизации и феминизации субъектов политического процесса в риторике различных политических сил.

Анализируя эти вопросы, необходимо принимать во внимание ряд теоретических посылок.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой гендерный дискурс может быть рассмотрен как форма «символического насилия» (напр.: [28]). В социальной теории П. Бурдьё символическое насилие понимается в качестве вида «символической борьбы», целью которой является символическая власть и символический капитал [17, р. 1998; 2, с. 204]. Гендерный дискурс представляет собой способ символической организации мира в бинарных оппозициях, части которых ассоциируются с мужским и женским полами [19, р. 230]. Данная система дихотомий лежит в основе гендерной метафоризации, то есть переноса качеств, приписываемых мужчинам и женщинам, на нации, социальные группы, политические институты и другие социальные или природные феномены [19, р. 231]. Такого рода перенос не является оценочно нейтральным. Природа и культура, эмоциональное и рациональное, телесное и духовное, интуиция и логика, личное и политическое отождествляются с женским и мужским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия — гендерная асимметрия. Определяемое как мужское рассматривается в качестве позитивного и доминирующего, определяемое как женское — в качестве негативного и периферийного. Гендерная асимметрия оказывает влияние на иерархию политических групп и институтов. Маркированный как маскулинный или фемининный политический лидер или политический институт («настоящий мужик Путин», «осеменная Кремлем Дума») принимает на себя весь набор соответствующих, ценностно окрашенных, атрибуций. То есть, при помощи гендерного дискурса утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля. Причем, как показывает К. Кон, подобная маркировка представляет собой также средство формирования новых значений и оценок: манифестация

таких, например, качеств, как способность абстрактно мыслить, умение быть беспристрастным, привычка апеллировать к разуму, а не к чувствам, является одновременно демонстрацией маскулинности, что, в свою очередь, означает быть в привилегированной позиции в гендерном дискурсе [19, р. 229].

На гендерную стереотипизацию и на установление властных отношений в политическом дискурсе влияет также способность гендера исполнять роль механизма включения / исключения, отделять Своих от Чужих. «Свое», как правило, определяется как норма, а «чужое» — как девиация [20, р. 19–20]. Другой, Соперник, Враг имеет гендерные характеристики, отличные от тех, что присущи Своим. Трактовка фемининного в качестве девиантного, нуждающегося в контроле, определяет ведущую тенденцию гендерной метафоризации: маскулинизация Своих и феминизация Чужих — обычный прием внутри- и внешнеполитической борьбы. (О различных способах «символического насилия» над Врагом в гендерном дискурсе см.: [19; 24; 21, р. 356–362]).

Кроме того, следует учитывать такой фактор политического дискурса, как традицию соотношения власти с мужским началом, а подчинения — с женским, вытекающую из общих принципов концептуализации двух начал (по крайней мере, в дискурсе Модерности). Власть коррелирует с такими атрибутами маскулинности, как сила, разум, воля, ответственность, активность. Женское же начало трактуется как бесформенная материя, природа, хаос, как необъятная, необузданная стихия, несущая опасность [10]. Женщины, по причине того, что фемининность не коррелируется со стереотипными представлениями об атрибутах власти (среди последних, как уже отмечалось, активность, объективность, рациональность и т. д.), обречены играть в политике по мужским правилам; современный ярлык для женщины-политика «железная леди» имеет гендерную окраску².

Метафора персонификации является базовой в политическом дискурсе [6, с. 138], и тенденция репрезентировать политическую борьбу как состязание личностей выступает еще одним фактором маскулинизации политической сферы [19, р. 239–241]. В результате такой метафоризации весь политический процесс, с его и мужскими и женскими участниками, представляется в качестве соперничества мужчин-политиков, своего рода «мужского разговора», как выяснение отношений, скажем, между теми же Б. Ельциным и Г. Зюгановым.

Наконец, необходимо принимать во внимание то, что гендерно маркированы публичная и приватная сферы как таковые (см.: [30, р. 5]); это также способствует вытеснению женщин из политической жизни общества. Корреляция маскулинности и фемининности соответственно с публичной и приватной сферами имеет следствием то, что мужчинам и женщинам отводятся альтернативные области экспертиз (первым — экономика, международная политика, сельское хозяйство, армия, в то время как вторым — образование, здравоохранение, социальные вопросы, охрана окружающей среды) (см.: [25, р. 9]). Аналогичные данные получила группа исследователей под руководством О. А. Хасбулатовой

² Ф. Адлер предложил термин «маскулинный протест», каковым он обозначает стремление женщин достичь успеха за счет развития в себе маскулинных качеств и вынужденное соблюдение мужских правил игры (см.: [23, р. 397]). (О традиции объяснения достижений женщин в политике тем, что они «преодолевали свою несовершенную женскую природу», обнаруживали «мужской ум», «мужскую доблесть» и т. д., см.: [13, с. 34]).

на материале Ивановского региона в 2001 г. Более 80% респондентов (35,4% — безусловно) обоего пола поделили сферы деятельности на «мужские» и «женские», отнеся к первым политическую, военную, дипломатическую и управленческую, в то время как ко вторым — социальную сферу, культуру и сферу услуг [15, с. 23].

Отождествление женщины с приватной сферой создает сложности для женщин-политиков, публичная карьера которых не поддерживается их частной жизнью. И если образ преданной жены, помогающей мужу-политику и жертвующей своей карьерой, может быть востребован при конструировании имиджа политика-мужчины, то аналогичный образ мужа, жертвующего своей карьерой и уходящего в приватную сферу ради помощи жене-политику, практически невозможен по причине укорененности гендерных стереотипов [32, р. 114]. Так, противоречивость в восприятии американской публикой образа Хиллари Клинтон, жены президента США Билла Клинтона, во многом объяснялась исследователями именно тем, что Хиллари пыталась репрезентировать себя одновременно в двух несовместимых между собой ролях, «двух несовместимых дискурсивных позициях» — роли первой леди и роли профессионала-адвоката [18, р. 44]. И наоборот, намерения команды Билла Клинтона сконструировать имидж, выходящий за рамки патриархальной модели (в том числе мягкого, чувствительного мужчины, с эгалитарными нормами в семье), не всегда оправдывали себя — в решающие моменты предвыборной кампании чета Клинтонов появлялась на обложках журналов в традиционно патриархальном облике (глава семьи и жена-помощница) [31, р. 68].

* * * *

Итак, гендерная асимметрия власти предполагает, что повелевающий есть мужчина, а «настоящий мужчина» — это тот, кто обладает властью. Следовательно, доказательство мужественности политика является условием обоснования его притязаний на власть — и наоборот.

В политтехнологиях применяются различные дискурсивные приемы маскулинизации политика. Во-первых, это эксплицированная маркировка: «настоящий мужчина», «настоящий мужик» — именно эти характеристики и Б. Ельцина, и В. Путина вкладываются в уста как «простых избирателей», представленных на страницах предвыборной прессы, так и лидеров партий или крупных чиновников (см. подробнее: [11]).

Во-вторых, это скрытая и — что особенно эффективно — зачастую не осознаваемая маскулинизация политического лидера через приписывание ему соответствующих атрибутов мужественности.

Быть «настоящим мужчиной» — значит, быть воином (напр.: [22; 27; 21]), и свое положительное отношение к армии демонстрируют все политики, рассчитывающие на всенародную любовь. Если политик проходил службу в Вооруженных Силах, Советских или Российских, то это отмечается в рекламных проспектах предвыборных кампаний. Заслуживает внимания то обстоятельство, что избирателям предлагаются образы не только генерала А. Лебеда в военной форме, но также, скажем, Б. Ельцина в камуфляже и с оружием в руках, В. Путина — на подводной лодке или в боевом истребителе. Здесь маскулинизация политического лидера проявляется особенно явно, поскольку политикам-

женщинам по понятным причинам соревноваться с мужчинами на этом поле практически невозможно. (Об аналогичных политических технологиях в США пишет К. Уаль-Йоргенсен: во время предвыборной борьбы Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона сторонники последнего, интерпретируя факт уклонения Клинтона от призыва в армию, подчеркивали пацифизм кандидата; противники, напротив, феминизировали образ Клинтона и называли его «маменькиным сынком», сравнивая с «героем войны» Бушем [31, р. 64].)

Другим атрибутом современной российской политической маскулинности является увлечение «мужественным» видом спорта. Так, из предвыборных материалов избиратели узнают, в частности, что В. Путин — мастер спорта по дзюдо и самбо, Г. Явлинский в свое время небезуспешно занимался боксом, Б. Ельцин играл за сборную института по волейболу и поддерживает спортивную форму теннисом. Соответствующую окраску получают и хобби политиков: автомобили и горные лыжи у В. Путина, охота — у В. Черномырдина, подводное плавание и восточные единоборства — у С. Кириенко и т. д. (АиФ. 1999. № 1; см. также: www.yavlinskii.narod.ru. Доступно 15.04.03; www.kremlin.ru/photoalbums. Доступно 5.05.03).

Еще один компонент конструируемой маскулинности политического лидера, также исключаящий женщин, — это своеобразная гомосоциальность политического сообщества. Его организация (ритуал принятия решений, сфера досуга, характер неформального общения, способы коммуникации) имеет прообразом модель «мужской дружбы» [31, р. 61]. (Об аналогичных чертах российского бизнеса см.: [16, с. 250–251]).

Наконец, манифестация маскулинности включает в себя популярность политика у представительниц «прекрасного пола», которые проводят своеобразную экспертизу его мужественности. Голоса женщин в собственную поддержку охотно используют все политики; обратим внимание на то, что избирательницам «доверяют» оценивать не профессиональные качества героя предвыборной рекламы, а то, какое впечатление тот производит «как мужчина». При конструировании имиджа А. Лебеда в предвыборной кампании 1996 года нередко использовались суждения, подобные следующему: «Я, как женщина, чувствую, что он полон мужества и мужественности, и это вдвойне располагает» (режиссер А. Сурикова) (цит. по: [8, с. 213]). Этот же прием применяется в репрезентациях нынешнего главы государства; лейтмотив высказываний женщин в его поддержку накануне последних президентских выборов таков: неброский внешне, он надежный, ответственный, всегда выполняет то, что обещал. (Одно из женских высказываний в его поддержку приведено в начале статьи.) В подобном «режиме истины» решение, принимаемое женской частью электората, нередко объясняется тем, что «прекрасный пол» оценивает не политическую программу претендента, а его мужественность. Так, при обсуждении итогов первого тура президентских выборов 1996 года политический обозреватель ОРТ прокомментировал высокий процент голосов, отданных за А. Лебеда в Иванове, традиционно считающимся женским городом, следующим образом: «Ивановские ткачихи предпочли мужественного генерала». Этот же вариант объяснения успеха «Единства» в этом регионе предложили радиослушателям местные журналисты: «Иваново проголосовало за молодого красивого Шойгу».

Акцентирование сексуальности лидера-мужчины используется в качестве дополнительного аргумента в борьбе за власть. Политический дискурс современной России превращает упоминание о состоятельности политика в известном отношении в свидетельство того, что и с состоятельностью во всех прочих отношениях (прежде всего, с состоятельностью политической) у него все в порядке — и, соответственно, наоборот. Так, заслуживает внимания факт многократного воспроизводства в СМИ информации о том, что, согласно данным социологического опроса, в 2001 году секс-символом России 3500 из 5000 женщин назвали В. Путина (см.: www.km.ru. 12.05.2000. Доступно 14.02.03). Заметим, что трансформация суждений подобного рода в аргумент политической дискуссии происходит на фоне своеобразной эротизации политического дискурса, в частности при помощи активного вовлечения сексуальных и гендерных метафор в лексикон политиков, аналитиков, журналистов. В политическом дискурсе постоянно актуализируются упоминания и намеки о мужской сексуальности; соответствующие коннотации имеют и газетные заголовки типа «*Вся Россия под Медведем*» или «*Новую Думу осеменяют в Кремле*» (АиФ. 2000. № 3; см. также: [29]. О сексуализации гендерного дискурса в России в последние пятнадцать лет см. напр.: [5, с. 88–116; 4]).

Другим аспектом маскулинизации (и сексуализации) политического лидера становится использование образа иерогамии — священного брака правителя и страны. Эта метафора, известная в политической мифологии с древнейших времен, являлась частью «политического Эроса» Древнего Востока, античности, средневековья [26, р. 212], играла важную роль в конституировании власти русских правителей, использовалась в советском обществе [10, с. 42, 273]. Политический дискурс современной России также эксплуатирует различные модусы идеи иерогамии. Скажем, в 1996 году, агитируя за избрание на повторный срок действующего тогда президента, Н. Михалков прибегает к такому аргументу: «Ельцин — мужик, а Россия — существительное женского рода» (см.: [3, с. 29]). Еще один показательный пример — сюжет программы «*Куклы*», появившийся на НТВ вскоре после последних президентских выборов. Итог выборов представлен как бракосочетание счастливого жениха В. Путина и невесты по имени Федерация; Г. Зюганов, Г. Явлинский и другие менее удачливые претенденты на президентский пост изображены в виде отвергнутых женихов. Федерация-Россия пассивно-женственна; она обращается к суженому со словами: «*Сделай хоть что-нибудь*». В. Путин же, накануне свадьбы обещавший сделать Федерацию счастливой, теперь испытывает робость — он не уверен, что сможет оправдать надежды, возлагаемые на него невестой.

Любопытный поворот темы иерогамии, также имеющий глубокие исторические корни, — это интерпретация отношения правителя к стране как насилия над нею. Подобный взгляд характерен для представителей российской оппозиции; сама историософема Матушки-Руси, лежащая в основе образно-символического ряда оппозиционного дискурса, включала в себя эту метафору отношений государства и народа [9]. Например, термин «*изнасилование*» нередко используется в политических выступлениях Г. Зюганова для того, чтобы поставить под сомнение легитимность власти и вскрыть ее «*антинародный характер*».

Оборотной стороной маскулинизации политического лидера Своих является демаскулинизация политического противника, которая достигается как через атрибутирование ему фемининных свойств (или сравнение его качеств и поведения с женскими), так и через отказ в обладании мужскими качествами.

Так, фемининные черты — многословие, непостоянство, страх перед силовыми акциями Б. Ельцина — приписывали оппозиционной Государственной Думе пропрезидентские СМИ; президент же, напротив, предстает молчаливым, уверенным, упрямым, жестким. Вряд ли только журналистскому любопытству избирательная кампания 2000 года обязана появлением слухов о пластических операциях Г. Зюганова и Г. Явлинского (см., напр.: [1]). Газета «День» использовала для дискредитации политических оппонентов суждения типа «Гайдар лег на сохранение» (День. 1993. № 11). В антидемократической риторике сомнения в маскулинности противников нередко сопровождаются намеками на их нетрадиционную сексуальную ориентацию. Например, в радикально оппозиционной прессе соответствующим образом обыгрывался факт политической поддержки Б. Ельцина представителями сексуальных меньшинств (День. 1993. № 12). Аналогичным образом в дискурсе истэблшмента белорусская оппозиция получает ярлык «политической проститутки», а ее представителей обвиняют в «гомосексуальных наклонностях» [14]. В качестве еще одного примера приведем выдержку из книги Э. Лимонова «Моя политическая биография». Если себя автор репрезентирует физически сильным, бесстрашным, выглядящим значительно моложе своих лет, сохраняющим привлекательность для женщин, то внешний облик бывшего друга, а ныне политического соперника, таков: «Полный, щекастый, животастый, сисястый, бородатый молодой человек с обильными ляжками... поражающий неуместными мелкими балетными 'па' и имеющий привычку, стоя на одной ноге полностью, вдруг отставить другую назад, на носок... что выглядело по-оскар уальдовски двусмысленно» (см.: [12]).

Таким образом, демаскулинизация политиков-мужчин становится приемом их дискредитации. Что же касается политиков-женщин, то приписывание им черт противоположного пола также может выполнять функцию делегитимации. Вместе с тем подобная дефеминизация женщин может использоваться и сторонниками политика, например: «замечательно, что есть хотя бы один мужчина в нашей стране, даже если это Новодворская» (Дискуссия на сайте АПН www.apn.ru/forum/veiw. Доступно 12.07.2002). Очевидно, это связано с отмеченными представлениями о том, что политика — это мужское занятие.

Проиллюстрируем ряд подобных дискурсивных приемов маскулинизации и феминизации Своих и Чужих на примере фильма С. Эйзенштейна «Октябрь». Режиссер неоднократно феминизирует мужчин Врага. (Скажем, Керенский живет в покоях императрицы³, а заседания меньшевиков проходят в комнате с вывеской «КЛАССНАЯ ДАМА».) Женщины же из вражеского лагеря, напротив, маскулинизируются — так, воинов «женского батальона» по ошибке принимают за мужчин. Более того, автор картины достаточно явно обвиняет в нетрадиционной сексуальной ориентации тех из них, которые не сдались большевикам.

³ Как остроумно заметила И. Новикова, анализирувавшая гендерную схему киноповествования: «Александр Федорович в спальне Александры Федоровны» [7, с.169].

Фемининность мужчин противоположной стороны и маскулинность их женщин доказывают девиантность гендерного (и социального) порядка буржуазного строя. Девиантность строя и вытекающую из этого обреченность Врага демонстрирует уже сам факт защиты «прогнившего режима» «женским батальоном». Между тем, дело не только в том, что защитницы Временного правительства обнаруживают очевидную военную несостоятельность по сравнению с мужественными борцами за новую жизнь, но и в существующих представлениях, что война (и политика) — не женское дело. Очевидно, именно так следует интерпретировать сцену из фильма Эйзенштейна, в которой одна из воинов «женского батальона» смотрит на «Весну» Родена и, как бы возвращаясь к своей изначальной природе, отказывается воевать и сдается большевикам.

Гендерную норму в фильме репрезентируют Свои. И недоуменное отращивание на лице революционного матроса, ворвавшегося в занимаемые Временным правительством покои императрицы и обнаружившего там предметы женского туалета, более чем красноречиво.

Итак, гендерный дискурс используется для обоснования притязаний политиков на власть, для обеспечения ее идеологической и психологической поддержки, для делегитимации политического противника. Но и политический дискурс принимает участие в формировании и корректировке гендерных отношений. В частности, он создает новые каноны маскулинности и фемининности, новые образцы гендерных отношений. Согласно Р. Коннеллу, для любого периода истории характерна конкуренция различных типов маскулинности: доминирующих, маргинализованных, изгоев [22, р. 10–12]. Разные типы маскулинности отвечают разным нормам и ценностям людей, разным гендерным и политическим системам. Так, американские исследователи видят в предвыборной борьбе двух кандидатов в президенты, Б. Клинтона и Дж. Буша-старшего, борьбу двух типов маскулинности. Если образ Буша конструировался в соответствии со стандартами традиционной маскулинности (герой войны, спортсмен, глава семьи), то имидж Клинтона, напротив, содержал в себе другие характеристики (пацифист, уклонявшийся от призыва в армию, сентиментальный, чувствительный, подчеркивающий эгалитарные нормы в семье). Исследователи связывали победу Клинтона в том числе и с изменением в Америке ценностей, с утверждением эгалитарных гендерных норм и постепенным вытеснением образа доминантной маскулинности. Неоднородность содержания маскулинности можно легко проследить и на материале российской политической борьбы, на примере имиджей двух российских президентов. Если Ельцина сторонники любили представлять как типично русского правителя и типично русского мужчину с его сильными и слабыми сторонами, то «виртуальный» В. Путин в какой-то степени создавался как альтернатива предыдущему правителю и более, чем его предшественник, соответствовал «западным» канонам маскулинности; в этой связи заслуживает внимания определенная «германизация» его облика (подробнее о гендерных особенностях имиджа российских президентов см.: [11]).

В качестве итога подчеркнем, что гендерный и политический дискурсы современного российского общества формируют, поддерживают и корректируют друг друга.

**Материалы гендерной секции
Российского политологического конгресса**

1. *Барциц О.* Тайны пластических операций // Суббота-воскресенье: [Прил. к АиФ]. 2001. № 25. Интернет-версия: www.aif.ru. Доступно 15.03.03.
2. *Бурдые П.* Начала. М., 1994.
3. *Гапова Е.* Гендерные политики в национальном дискурсе // Гендерные исслед. 1999. № 2.
4. *Кирилина А. В.* Манифестация гендерных стереотипов в российской прессе: журналистская и читательская перспектива // *Genderforschung in der Slawistik: Beiträge der Konferenz «Gender — Sprache — Kommunikation — Kultur»*. 28.4. — 1.5.2001. Friedrich Schiller-Universität Jena (Institut für Slawistik). (Wiener Slawistischer Almanach; Sbd. 55). Wien; München, 2002.
5. *Клименкова Т. А.* Женщина как феномен культуры: Взгляд из России. М., 1996.
6. *Кобозева И. М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филол. науки. 2001. № 6.
7. *Новикова И.* Репрезентации мужественности и войны в советских и российских кинофильмах // Гендерные исслед. 2001. № 6.
8. *Почепцов Г. Г.* Профессия: Имиджмейкер. Киев, 2001.
9. *Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.
10. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново, 1999.
11. *Рябова Т. Б.* Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность // Женщина в рос. о-ве. 2000. № 4.
12. *Рябова Т. В.* поисках утраченной маскулинности? Рец. на кн. Э. Лимонова «Моя политическая биография» // Гендерные исслед. 2002. № 1/2 (№ 7/8). Харьков, 2002.
13. *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.
14. *Усманова А.* Сексуальность в белорусских масс-медиа // В поисках сексуальности. СПб., 2002.
15. *Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: Специфика российского опыта // Женщина в рос. о-ве. 2001. № 3/4.
16. *Юрчак А.* Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь...» // О муже(Н)ственности. М., 2002.
17. *Bourdieu P.* Practical reason: On the theory of action. Stanford, 1998.
18. *Brown M. E., Gardetto D. C.* Representing Hillary Rodham Clinton: Gender, meaning, and news media // *Gender, politics, and communication*. Hampton Press (N. J.), 2000.
19. *Cohn C.* Wars, wimps, and women: Talking gender and thinking war // *Gendering war talk*. Princeton, 1993.
20. *Gilman S. L.* Difference and pathology: Stereotypes of sexuality, race, madness. Ithaca; N. Y., 1975.
21. *Goldstein J. S.* War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. Cambr., 2001.
22. *Connell R. W.* The men and the boys. Cambr., 2000.
23. *Griscom G. L.* Women and power: Definition, dualism, and difference // *Psychology of women quarterly*. 1992. Vol. 16.
24. *Hooper Ch.* Manly states: Masculinities, international relations, and gender politics. N. Y., 2001.
25. *Kahn K. F.* Political consequences of being woman: How stereotypes influence the conduct and consequences of political campaigns. N. Y., 1996.